

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 22 (3678)

Вторник, 19 февраля 1957 г.

Цена 40 коп.

ТРЕБОВАНИЯ ЖИЗНИ

Не так давно я поехал по местам, где провел свое далекое безрадостное детство. Маршрутные такси легко скользя по асфальту. Я неотрывно глядел в окошко, не узнавая сурового, но милого моему сердцу донецкого края.

...Вот и Ворошиловск. Многоэтажные дома, троллейбусы, молодые скверы, парки... А я помню еще старый Алчевск с его започвенными поселками, юсившими название «колоний», с злобными прудами и редкими хилыми деревьями.

Машина подкатила к зданию, украшенному колоннадой. Водитель выключил мотор и сказал:

— Паркомуня!

Неужели это и есть тот Селезневский рудник, где я впервые переступил заветный порог школы? Он и не он, этот маленький городок имени Парижской Коммуны, сокращенно именуемый местными жителями «Паркомунью».

Здесь все ново — и шахты, и улицы, и люди. От прошлого почти ничего не осталось. Я говорю почти, потому что сохранилось одноэтажное здание моей школы да приделанный временем рыночный террикон старой шахты, где когда-то работал отец.

В городе разместились угольный трест — солидное учреждение, имеющее многоэтажный аппарат. Есть даже своя маленькая гостиница, в которой чуть ли не ежедневно меняется состав жильцов. Это — представители нестремимого племени «командировочных».

С одним из них я как-то разговорился. Он сетовал на свое скитальческое житье-бытье. Уже молодой инженер, он работал в «Главвосшиловоградугле» — в Главном управлении угольной промышленности Украины, пребывающем в Кадиевке.

Редко бываю дома, все время странствую, — жаловался мой собеседник.

Мы долго говорили о структуре

управления угольной промышленностью. Инженер признавал, что комбинат — громоздкая организация, но и создание многочисленных главков он тоже не защищал.

— А как же быть? — спросил я.

Мой собеседник пожал плечами:

— Право, не знаю, но вижу, что так долго продолжаться не может.

Я вспомнил этот разговор, читая постановление февральского Пленума ЦК КПСС. Оно дало ответ на вопросы, которые мы часто себе задавали, но не могли прийти к верному выводу. Да, нам надо совершенствовать управление промышленностью. Наша экономика настолько выросла, что ей стали тесны рамки ведомственности.

На примере Донбасса можно убедиться в том, что пришла пора коренной перестройки руководства народным хозяйством. Этот крупнейший экономический район страны располагает, как известно, разнообразной промышленностью. Но она не составляет единого мощного целого. Угольщики, металлурги, машиностроители, химкии действуют разрозненно, а бы даже сказал, автономно.

В воскресенье газеты опубликовали сообщение украинского республиканского статистического управления. Оно говорит о многом. Наряду с большими успехами у нас есть и досадные недочеты: предприятия угольной, металлургической и автомобильной промышленности, а также промышленности строительных материалов не полностью выполнили план минувшего года.

Показателен и такой факт. В прошлом году горком партии и горисполком Одессы выявили на местных предприятиях большие резервы. При широком кооперировании их можно было бы использовать для общего блага. Но ввиду того, что заводы принадлежат различным министерствам, этого не случилось — на пути встали ведомственные барьеры.

В большом промышленном центре республики — Харькове существуют десятки сырьевых и снабженческих организаций. Они — детища все той же ведомственности. А сколько средств еще уходит на пресловутые встречные перевозки на дальние расстояния, например Урал — Украина и обратно!

Народ с благодарностью встретил замечательное решение партии, видя в этом новое проявление ленинской заботы о счастье народа.

Мы еще не знаем, какую форму примет новое управление промышленностью и строительством. Но уже совершенно ясно одно — партия делает все для того, чтобы наша любимая Родина стала еще богаче, еще мощнее.

Горько одобряют трудящиеся нашей страны постановление февральского Пленума ЦК КПСС о дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством.

Они высказывают убеждение, что мудрое решение партии приведет к дальнейшему расцвету всей нашей экономики. Коллективы заводов, фабрик, шахт, строек получат новые широкие возможности для повышения производительности труда, всестороннего раскрытия своих творческих сил.

Осуществление ленинского принципа демократического централизма в хозяйственном строительстве активизирует творчество советских людей, поможет полностью использовать резервы нашей социалистической индустрии для блага всего советского народа.

...ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН

В. ВИЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Вопросы морали, сознания гражданского долга перед страной, ответственность за судьбы не только своей Отчизны, но и всего человечества горячо волнуют советских людей. Действенное решение этих вопросов в значительной степени определяет духовный облик гражданина.

Это естественно вытекает из всего строя нашей жизни. При социалистической системе интересы государства и гражданина, гражданина и государства общи, неотделимы друг от друга. Советский гражданин — единственный и полноправный хозяин своей страны, всех ее богатств. Не знающий ита эксплуатации, он трудится и живет на благо Родины, всего народа.

Основной закон социалистической страны — борьба за благо своего гражданина. Все ее усилия, все ее политика направлены на то, чтобы поднять на большую высоту жизненный уровень советского человека, полнее и лучше удовлетворить его материальные и духовные запросы, всемерно облегчить труд, создать наилучшие условия для отдыха, лечения, учебы, полнокровной культурной жизни всего общества.

Газетный лист широко отражает нашу современность, ее развитие, дыхание. На этом листе наглядно видно, какое множество морально-этических вопросов гражданского самосознания ставится и страстно обсуждается в стране. Мы идем по жизни непроторенными путями, и потому вполне закономерно, что наиболее животрепещущие вопросы человеческого сознания, поведения, отношения к обществу интересуют и волнуют самые широкие круги нашего народа.

И меня, как гражданина и старого большевика, взволновал «Ответ анониму» В. Елизаровой, напечатанный в № 97 «Литературной газеты» за прошлый год. Он вызвал большой поток читательских писем, с которыми редакция меня ознакомила. Отклик очень интересен и разнообразен. Характерно, что они продолжают поступать и доныне. Значит, не мне одному поднятый вопрос показался столь важным.

Авторы одних писем дают справедливую уничтожающую оценку породе людей, представляемую анонимом. Другие пытаются опровергнуть и даже защищают взгляды безыменного корреспондента. Я познакомился с письмами тех и других. Глубоко убежден, что большинство товарищей, пишущих оправдания анониму, — честные советские люди. Но мне кажется, что они не разобрались как следует в существе «философии», проповедуемой анонимом, в обличье, в психологии, логике, во всем «сутье» этого и подобных ему представителей рода человеческого. И потому начатый газетой разговор, мне кажется, целесообразно продолжить.

У меня лично ответ анониму вызвал много мыслей и воспоминаний. Я не представляю, как можно без чувства глубокой скорби и пререняя и возмущения читать приведенные в нем строки анонимного письма.

А под ней — неприглядное лицо человека, с неприятным озиранием вокруг на великие перемены, которые произошли в стране. Он вглядывается в величественные перспективы, сулящие новый, невиданный подъем во всех областях жизни. Не по душе они ему. Он пытается вмешаться, жалкими силками своими удерживать или хотя бы в какой-то мере затормозить движущееся «колесо истории».

Наш «герой» замалчивает на самое главное. Он хочет перетянуть в свое логово «маленького человека» нашей страны. Он нагло отождествляет себя с ним — человеком, который совершил величайший в истории всех времен и народов Октябрьский переворот, босой, раздетый, голодный, отстаивая свою революцию от натиска белогвардейских полчищ и интервентов четырнадцати держав, который вместе с В. И. Лениным выхлудил на первые субботники восстанавливать разрушенное хозяйство, потом перестроил его, осуществив заветные фантастические пятилетки. Того человека, кто поверг своим ногам «непокоримого» завоевателя Европы, превратил отсталую аграрную страну в одну из сильнейших на земном шаре индустриально-колхозную державу с самой передовой культурой, поднял необъятные просторы целинных земель.

И этого «маленького человека», «сошку», как именует его аноним, он хочет приравнять к себе, привить ему свою идеологию. Он — эти анонимы — не без ролу и племени. Мы, старые большевики, знаем, помним их отцов, старших братьев, сохранили на всю жизнь классовую ненависть к этой «публике», прежде гораздо более многочисленной, чем теперь.

Я сталкивался с такими замаскированными вояками в горячие предоктябрьские дни 1917 года, помню их в период великого переворота, в первые годы после революции. Это была довольно значительная прослойка людей, которая от старого отстала (ибо оно рухнуло), а к новому не пристала. Большинство из них прикрывалось удобным девизом объявлять себя: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». Это были великие мастера вытиски при любых обстоятельствах, умения делать из мухи слова, а из слова музу. Они жили ощущениями только собственной шкуры и, пожалуй, еще желудка.

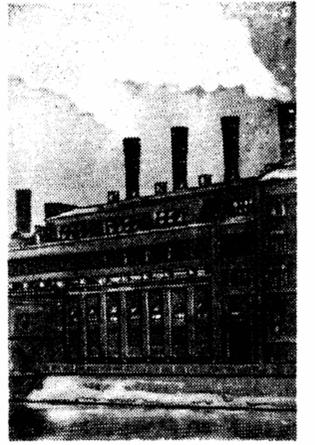
Старые большевики, вместе с рабочим народом выстрадавшие революцию, всегда разоблачали таких людей. Их исключали из партии, если они проныкали в нее, отстраивали от общественной жизни, если они пытались играть в ней роль. И все же они пытались в ногах, приносить вред народу.

Когда весной или осенью по разбухшей земле бегут иды в атаку, ему очень мешает налипшая на сапогах грязь. Она физически утомляет, уменьшает скорость движения, играет на руку врагу. Страхуясь ее, а она, липкая, тягучая, вновь пристает к ногам, тянет кинуя, тяжелит шаг. Вот так затрудняла наше движение вперед подобная порода людей. В полный голос, гневно заговорив о них в дни десятилетия Октября великий писатель и гуманист нашего века А. М. Горький:

Приехав в Советский Союз, Алексей Максимович получил свыше тысячи писем, «и среди них сотни две посланий от граждан противосоветского устроения».

«Послания этих граждан», — писал А. М. Горький, — различные по степеням малограмотности и хамоватости, вполне объединяются сквернейшей злостью против советской власти, против коммунизма, рабочего класса и против автора этой статьи, «предателя родины»... Отвечая этим «анонимам и псевдонимам», которых писатель называет «механическими гражданами», Алексей Максимович писал:

«Вы, граждане, люди с органическим пороком, с каким-то темным пятном в мозгах. Это пятно обладает способностью стя-

Над станцией выносятся белые клубы пара...

увеличиваться приток ставропольского газа, станет исчезать дым над трубами заводов, фабрик, тепловых электростанций, домовых котельных, число которых заметно уменьшается в связи с ростом теплотрассы города. Некоторые теплотрассы будут находиться за чертой города.

Так станет исчезать дым над Москвой. Очень многое в этом отношении зависит от того, как быстро удастся осуществить интересный проект вытеснения газа из кухонь москвичей. В домашних конфорках газ сгорает далеко не полностью, — это и невыгодно, да и вредно для здоровья.

Как же можно вытеснить газ из кухонь? При помощи газа!

Инженеры Мосэнерго считают, что наступает пора заменить газовые плиты электрическими. Саратовский и ставропольский газ, идущий на домашние нужды москвичей, выгоняет передачу тепловым электростанциям, которые будут сжигать его более экономично. А уже станции возьмут на себя заботу о снабжении током всех бытовых электроприборов. Москвичи могут только приветствовать такое нововведение. Реален ли этот план? Да, вполне реален. Ведь растет не только поступление газа, но и поток электроэнергии, идущей в Москву с волжских ГЭС.

О. ОПАРИН

Гивать в себя и затем отражать явления, факты и мысли только отрицательного характера. В нашем мозгу непрерывно происходит процесс гниения, разложения впечатлений. Это уродство возникло на почве, конечно, классового инстинкта, на почве паразитного стремления к власти над людьми, к жизни за счет чужих соков, к личному покою, благополучию, благосостоянию, вообще — к тому, что всегда было преступным и становится все более преступным в наши дни, когда трудовой народ повсюду имеет право на свободный труд для себя. Вы — индивидуалисты, а история нуждается в сильных, гениальных индивидуумах для создания новых форм жизни, более достойных разумного человека, чем те формы, которые навязаны ему прошлым. Жизнь требует героев, паразиты уже отжили свой век.

Древний еврейский мудрец Галель очень хорошо сказал:

«Если я не за себя, то — кто же за меня? Но если только за себя, — зачем я?» Это самая лучшая заповедь из всех, которые навязывались людям. Я руководствовался ею. Вся работа моей жизни была «игрой на повышение», цель у меня всегда была и остается одна: повышение в людях воли к жизни, повышение активной ненависти к действительности, унаследованной нами от прошлого».

Аноним пытается тянуть к другому. Он отделяет народ от тех абстрактных фигур, которые должны-де уничтожить «бюрократчищ», и тогда исчезнут молчаливы, которым владеет страх. Конечно же, администрация, которая не отдает отчет общественной жизни, гражданской активности. Он противопоставляет народу — народную власть, плоть от плоти, кровь от крови народа. Этот человек знает, куда он метит, каким опасным делом отравлены стрелы, пускаемые им от имени простого обывателя, требующего оставить за ним право спокойно жить.

Нет, не спокойной жизни хочет этот воякушечный аноним, не к позорному благоумию устремлены его мысли и желания. Ему слышно, что советский человек трудом своим убедился, выражаясь словами А. М. Горького, что «все его разум и воли нет никаких чудесных сил, кроме стихийных сил природы, которыми он должен овладеть для того, чтобы он, служа его разуму и воле, облегчил его труд и жизнь». Аноним знает, что нет на земном шаре силы, способной сокрушить волю советского человека, которого не запугать ни атомными, ни водородными страхами. Он, безымянный автор, затерявшийся в людской

Оночание на 2-й стр.)

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

ПОСЛЕ ДВУХ ПОБЕД...

В столице Норвегии Осло, в финском городе Инара и шведском — Эстерсунде решался в феврале исход борьбы за почетные звания чемпионов Европы и мира по конькам. В первых двух городах победы наши сорокходы: чемпион Европы стал Олег Гончаренко, а лавровым венком чемпионы мира среди женщин была увенчана его землячка Инга Артамонова. А вот весть из Эстерсунде, где в субботу и воскресенье решалась судьба третьей «короны» — чемпионки мира среди мужчин, доставила радость норвежкам — победила Кнут Юханнесен.

Уже первую дистанцию — 500 м Юханнесен прошел с неплохим для себя временем — 44,9 секунды. Без особого труда и с хорошим результатом (8 минут 8,9 секунды) он победил в беге на 5000 м. По сумме очков двух дистанций он после первого дня оказался на четвертом месте, пропустив вперед советскую тройку — Б. Шилкова, О. Гончаренко и Б. Цыбина.

Острога борьбы еще более подогрела интерес к состязаниям. В воскресенье в катке «Фюрвалль» собралось почти 20 тысяч зрителей — это равно численности населения Эстерсунде. Бег на 1500 м выиграл ленинградский инженер Б. Шилков. Его время 2 минуты 13,9 секунды — новый рекорд катка, но и Юханнесен пробежал дистанцию отнюдь, заняв четвертое место. И хотя Шилков продолжал уверенно лидировать, все же разрыв в очках между ним и Юханнесенем был не слишком велик. По сумме очков перед решающим забегом на 10000 метров второе место занимал Гончаренко, но на него — лучшего нашего многоборца — вряд ли можно было теперь рассчитывать: еще накануне чемпионата он почувствовал недомогание и вынужден был обратиться к врачу.

Кнут Юханнесен пробежал «ледовый марафон» за 16 минут 33,9 секунды — блестящее время! Б. Шилков показал только 17 минут 10,3 секунды. Судьба золотой медали была решена, она досталась норвежцу. Б. Шилков награжден серебряной медалью, бронзовую получил Б. Цыбин. Это большой успех молодого москвича, впервые принявшего участие в чемпионате мира.

Конечно, обидно за наших конькобежцев, но спорт есть спорт, и победы в нем иной раз чередуются с поражениями. Главное состоит в том, чтобы и на поражениях извлекать необходимые уроки. В данном случае основной вывод заключается в том, что наши тренеры не уделяют должного внимания длинным дистанциям и особенно 10000 метрам. Норвежцы в лице Юханнесенена подготовили на этот раз более разнообразного многоборца, который, обладая перед всеми конкурентами неоспоримым преимуществом в беге на 5000 и 10000 метров, сумел в то же время «подтянуться» и в спринте.

Итак, завоевав две конькобежные «короны», наши сорокходы остались без третьей. Что ж, значит, уже теперь надо думать о том, чтобы через год вернуться им обратно.

Микола УПЕНИК

Награждение

И. З. Мингазеева (Ибрай Гази)

орденом Трудового Красного Знамени

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области советской татарской литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, писатель Ибрагим Зарифович Мингазеев (Ибрай Гази) награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

В НЕБЕ МОСКВЫ

За несколько дней до нового года под Москвой ярко вспыхнуло сраженное пламя газовой фанелы. Традиционная «сеча» возвестила об окончании строительства первой очереди крупнейшего в Европе газопровода Ставрополь — Москва длиной в 1300 километров.

В сообщениях об этом событии, между прочим, подчеркивалось, что стартовый газ позволит ускорить перевод московских тепловых электростанций на газовое топливо, и это значительно оздоровит воздух столицы.

По подсчетам главного инженера Мосэнерго Ивана Кирилловича Гришина, столица до сих пор ежегодно сжигала свыше семи миллионов тонн твердого топлива, причем несколько более трети — в топках городских электростанций. Несмотря на то, что котлы станций оборудованы сложными очистными устройствами — электрофильтрами, все же в надбавку к газу выбрасывалось двенадцать тысяч тонн золы, то есть свыше тонны в час.

Остальные две трети топлива расходовали промышленные предприятия и многочисленные домовые котельные. И, к сожалению, как правило, не оборудованы современными дымовыми фильтрами. Это им просто не под силу — установки сложны, стоят очень

Когда исчезнет дым над городом

дорого. Можно представить себе, сколько же золы и сернистых соединений обрушились они на город!

— Посмотрите, — говорит И. Гришин, — на дома и на растительность, находящуюся близ заводов, электростанций и железных крыш немаленьких запыленных слоев золы и сажи. Выделения сернистых соединений и золы особенно вредны, когда воздух насыщен влагой, да еще при слабом ветре, который не может отнести их на большое расстояние от населенного места. Все это далеко не безвредно и для здоровья человека.

Как же можно очистить небо Москвы? Сейчас, с приходом ставропольского газа, город ежедневно стал получать дополнительно до четырех миллионов кубических метров высококалорийного топлива. Это позволило перевести на сжигание газа шесть городских электростанций из девяти. Специалисты утверждают, что уже за месяц воздух Москвы стал заметно чище: при сжигании газа не образуются золы и сернистых соединений, образуются только водяные пары. Надо учесть, что в прошлом году были переведены на газ и некоторые промышленные предприятия, другие подготовлены к его приему. В текущем году будет газифицировано еще свыше ста предприятий.

Постепенно, по мере того, как будет

Встреча героев

Взгляните на этот снимок! Даже отъявленный скептик не сможет обвинить фоторепортера в инсценировке. Нет, такое не инсценируется. Фоторепортеру выпала редкая удача «остановить» одно из неповторимых моментов жизни.

Что же это за снимок и какова его история?

В июле прошлого года в Центральном Доме Советской Армии состоялся торжественный вечер, посвященный пятидесятилетнему героическому обороне Брестской крепости. Из разных городов съехались на этот вечер герои. Жили они в номерах гостиницы ЦДСА на площади Коммуны и по утрам встречались на большой скамейке, стоявшей около палисадника у входа в гостиницу.

Однажды летним солнечным утром около них появился уже немолодой щуплый рыжеволосый человек без пиджака, в простой подпоясанной рубашке, заправленной в брюки. Левый рукав его рубашки был пуст. Это был инвалид Отечественной войны Н. Зориков.

Бывший участник брестской обороны, ныне шофер А. Семенов громко вскрикнул и, вкопав, стремглав бросился к нему. И с таким же громким и радостным возгласом к Зорикову кинулся с другой стороны бывший командир 44-го полка, майор в отставке П. Гаврилов. Обнявшись, как братья, прижавшись лицами друг к другу, все трое, не скрываясь, плакали в слезы, так что люди, проходившие по площадке, останавливались, с волнением наблюдали эту сцену.

И вот тогда-то фоторепортер журнала «Советская женщина» М. Ганкин, еще не зная, что за встреча, мимолетно

вскинул свой фотоаппарат. Верность профессиональному долгу была вознаграждена чудесным, редким снимком — он запечатлел первый шаг встречи трех героев Брестской крепости.

В нашей военной литературе нередко выводятся в качестве отрицательных образов, как бюрократы, велики или трусы. Бывший начальник продовольственно-фуражного снабжения полка Н. Зориков — живое опровержение такого обвинения. Это был поистине героический интеллигент. В минуту смертельной опасности, тяжело раненный, ослабленный, истекающий кровью, он не думал о себе, а заботился прежде всего о спасении раненных ему материальных ценностей. Вместе с другими ранеными Н. Зориков попал во вражеский плен и провел четыре страшных года в гитлеровских концлагерях.

И вот спустя пятнадцать лет после памятных событий пенсионер и инвалид войны Н. Зориков, живущий на станции Спирово, Калининской области, узнав из газет, что его боевые друзья собрались в Москве, поспешил в столицу.

Остается добавить немногое. Все три человека, изображенные на этой фотографии, удостоены высоких правительственных наград за мужество и доблесть, проявленные при защите Брестской крепости. П. Гаврилов (справа) присвоено звание Героя Советского Союза. Н. Зориков и А. Семенов награждены орденом Отечественной войны II степени. А замечательная фотография М. Ганкина помещена в только что вышедшем февральском номере журнала «Советская женщина», откуда ее накануне заповедники Советской Армии перепечатывают для своих читателей «Литературная газета».

О. ОПАРИН

Встреча героев

Встреча героев

Взгляните на этот снимок! Даже отъявленный скептик не сможет обвинить фоторепортера в инсценировке. Нет, такое не инсценируется. Фоторепортеру выпала редкая удача «остановить» одно из неповторимых моментов жизни.

Что же это за снимок и какова его история?

В июле прошлого года в Центральном Доме Советской Армии состоялся торжественный вечер, посвященный пятидесятилетнему героическому обороне Брестской крепости. Из разных городов съехались на этот вечер герои. Жили они в номерах гостиницы ЦДСА на площади Коммуны и по утрам встречались на большой скамейке, стоявшей около палисадника у входа в гостиницу.

Однажды летним солнечным утром около них появился уже немолодой щуплый рыжеволосый человек без пиджака, в простой подпоясанной рубашке, заправленной в брюки. Левый рукав его рубашки был пуст. Это был инвалид Отечественной войны Н. Зориков.

Бывший участник брестской обороны, ныне шофер А. Семенов громко вскрикнул и, вкопав, стремглав бросился к нему. И с таким же громким и радостным возгласом к Зорикову кинулся с другой стороны бывший командир 44-го полка, майор в отставке П. Гаврилов. Обнявшись, как братья, прижавшись лицами друг к другу, все трое, не скрываясь, плакали в слезы, так что люди, проходившие по площадке, останавливались, с волнением наблюдали эту сцену.

И вот тогда-то фоторепортер журнала «Советская женщина» М. Ганкин, еще не зная, что за встреча, мимолетно

вскинул свой фотоаппарат. Верность профессиональному долгу была вознаграждена чудесным, редким снимком — он запечатлел первый шаг встречи трех героев Брестской крепости.

В нашей военной литературе нередко выводятся в качестве отрицательных образов, как бюрократы, велики или трусы. Бывший начальник продовольственно-фуражного снабжения полка Н. Зориков — живое опровержение такого обвинения. Это был поистине героический интеллигент. В минуту смертельной опасности, тяжело раненный, ослабленный, истекающий кровью, он не думал о себе, а заботился прежде всего о спасении раненных ему материальных ценностей. Вместе с другими ранеными Н. Зориков попал во вражеский плен и провел четыре страшных года в гитлеровских концлагерях.

И вот спустя пятнадцать лет после памятных событий пенсионер и инвалид войны Н. Зориков, живущий на станции Спирово, Калининской области, узнав из газет, что его боевые друзья собрались в Москве, поспешил в столицу.

Остается добавить немногое. Все три человека, изображенные на этой фотографии, удостоены высоких правительственных наград за мужество и доблесть, проявленные при защите Брестской крепости. П. Гаврилов (справа) присвоено звание Героя Советского Союза. Н. Зориков и А. Семенов награждены орденом Отечественной войны II степени. А замечательная фотография М. Ганкина помещена в только что вышедшем февральском номере журнала «Советская женщина», откуда ее накануне заповедники Советской Армии перепечатывают для своих читателей «Литературная газета».

С. С. СМЕРНОВ

Поэзия революционного народа

Из кармана или из-за обывательской опрятности военной шинели высовывались листы бумаги: Колданоу приносил новые стихи. Он был не очень грамотен. Это ужасно удручало его:
— Я бы написал лучше, да не учил. Привык ты «благородных» читать, вот тебе и кажется, что не так написано. Придиричь все. А для нашего брата и так сойдет. Сойдет, что ли? — обращался он к присутствующим.

В ДНИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Широко развертывается избирательная кампания по выборам в местные Советы. Начались самые горячие дни — агитаторы знакомят избирателей с жизнью и деятельностью сотен тысяч кандидатов, которые будут баллотироваться в марте в депутаты: краевых, областных, окружных, городских, районных, сельских, поселковых Советов.

Созданы тысячи и тысячи агитпунктов — в каждом избирательном округе, где бы он ни находился: в городе ли, в селе, в горном поселке, на далеком севере... (нижний снимок сделан фотокорреспондентом М. Редкиным у агитпункта села Ловозеро, Мурманской области). Листовки, плакаты, встречи в агитпунктах, собрания в клубах, выступления по радио, телевидению, в печати — мобилизованы все формы агитации, чтобы избиратель, опуская в день выборов свой бюллетень, хорошо знал, кого он облекает доверием.

В день выборов будут баллотироваться в депутаты и многие писатели. Помимо тех, о ком мы уже сообщали 2 и 12 февраля, в Киев выдвинуты кандидаты — А. Корнейчук, М. Бажан, О. Гончар, Ю. Збанацкий, П. Воронько, Я. Баш; в Харькове — Я. Гримайло; в Днепропетровске — С. Загородный; в Ерване — В. Габуняц (Алазан), А. Аветисян, Р. Погосян, Г. Казарян; в Баку — Мехти Гусейн, Али Велиев, С. Григорян; в Тбилиси — И. Гришавилин, М. Алексидзе-Мариаджан, К. Лордкипанидзе, И. Нонешвили.

Писатели, зарегистрированные кандидатами, выступают сейчас в своих округах. Наш фотокорреспондент А. Ляпин заснял одну такую встречу избирателей с писателем Н. Прилепежовым, выдвинутым кандидатом в депутаты Московского городского Совета.

Не только в списках кандидатов можно увидеть сегодня фамилии писателей. Многие из них работают членами избирательных комиссий, агитаторами, организуют литературные вечера в агитпунктах.

...ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН

массе, предпочитает другой путь борьбы. Он ему кажется более действенным. Не ограничиваясь письмами в редакцию, в которых, «по известным причинам» предпочитает не называть своего имени, он с достаточной активностью, противоречащей его словам, старается всеми средствами воздействовать на психику наших людей, пытаясь вызвать пассивность в народе.

И потому нам — советским людям — нельзя проходить мимо этих типов, не замечая их. Письма в редакцию «Литературной газеты» показывают, что среди нас преждевременно наступила успокоенность, что еще немало таких, кто сквозь розовые очки смотрит на подобных людей, а порой и попадает на их удочки.

Некоторые оправдывают анонима тем, что он, мол, боится расправы за свою открытость, что его писания вытекают из желания «отвести душу». В письмах приводятся факты гонений за критику, вытравливая за смелость. Я знаю, что немало людей пострадало за свою общественную активность, что какие-то чинуши и бюрократы доставили, а подчас и сейчас доставляют им немало горя и неприятностей.

Да, все мы знаем, что в нашем аппарате есть бюрократы, черствые люди, что есть и вельможы-самодуры, но разве не активность рядовых людей выводит их на свет, разве мало в нашей печати разоблачается «темных пятен»? Ведь именно благодаря пассивному восприятию бюрократизма чиновники в худшем смысле этого слова удерживаются еще в своих креслах. Разве пассивность способствует искоренению самодуров?

Всеми своими жалкими силками люди, подобные анониму, пытаются задержать стремление советского человека к активности, к прогрессу, к искоренению зла, хотя сами так или иначе кричат о нем. А тот, кто пассивен к злу, кто проходит мимо него, тот сам его соучастник.

Об этом убедительно и горячо говорят авторы большинства поступивших в редакцию писем. В них дается уничтожающая оценка мировоззрению анонима, разоблачается его подлинное лицо, делаются правильные разносторонние выводы. О великом счастье активного участия в жизни горячо пишет Н. Пехтерев — мастер ткацкой фабрики. Она перенесла много испытаний, трудностей, «но если бы мне пришлось прожить еще раз эту трудную действительность, стать снова ее участником и свидетелем, я бы прожила ее так же, не зарывшись в пору спящего кроута», — пишет она.

В своем письме тов. Пехтерев правильно ставит вопрос о том, что наша печать, общественность должны проявлять гораздо большую нетерпимость по отношению к подобным воинствующим обывате-

лям. Воспитание граждан, способных на будничные гражданский подвиг, — важнейшая и очень сложная задача всей нашей литературы.

Однако ни в коем случае нельзя смешивать злопыхательство, враждебные выкладки подобных анонимов с голосом мужественного советского человека, проявляющего законную нетерпимость ко всему отрицательному.

А отрицательного у нас немало. Никто в стране у нас не скрывает этого — ни партия, ни правительство, ни печать. «Мне известно», — писал А. М. Горький, — что в России было и есть много плохого, имею основание думать, что это известно мне лучше, чем авторам анонимных писем. Но никогда и нигде еще хорошее не было так хорошо, как теперь в России. И никогда нигде плохое не было так безжалостно обнаружено, нигде не борются против него так энергично, как в Союзе Советов».

Главная сила в этой борьбе — советская общественность, основа нашего строя, нашей жизни. Общественность — это народ. Аноним считает общественность безголовой массой, которая хочет жить в мешанине покоя. Это гнусная клевета на наш народ. В годы революции, гражданской войны власть наша была слаба, неорганизована. Наши администраторы не учились ранее управлять, как наши красные командиры не учились в академиях быть на фронтах высокоученых генералов. Решающую роль и в тылу и на фронте играла общественность, которую В. И. Ленин в гражданской войне называл революционной самостоятельностью. Не было ни одного крупного мероприятия за все годы советской власти, которое было проведено без общественности.

Когда я вступил на путь литератора, консервативный аппарат театра встретил меня в штыки. Тема революции, с которой я пришел, вызвала противодействие тех служителей искусства, которые привыкли работать над старыми темами, над образами, уже известными. Я чувствовал, что настала пора писать новую тему о новой жизни, создавать образы новых людей. Но подобные «анонимы» в искусстве мне сказали:

«Ничего не выйдет. Это еще рано... Или: — Уже поздно, революция в прошлом».

Тогда я обратился к общественности и благодаря ей, и только ей, добился своего: пьеса «Штурм» была поставлена в театре имени МГСПС. Везде и всегда общественность в нашей жизни играет самую прогрессивную и решающую роль. Поэтому и понятно стремление анонима и его «действительных» защитников привить народу равнодушие и нейтральность. Нет, не увлечь советских людей стравусовой политикой, которую он проповедует!

ПО СТРАНИЦАМ АЛЬМАНАХА «НАШ СОВРЕМЕННОК»

Кому много дано...

1. В минувшем году в альманахе «Год 39-й» произошли немалые перемены. Он начал выходить под новым названием — «Наш современник». Вместо трех книг читатель получил четыре. Это новизна, так сказать, внешнего порядка. Есть другая, более существенная перемена: альманах стал интересней. Его читаешь со все большей охотой. Не по «длинные самодисциплины» и не от какого-то особого пристрастия к очерковой литературе, а просто потому, что это и впрямь интересно. Хочется верить, что альманах, еще недавно вызывавший немалую тревогу общественности, выбивается, наконец, на магистральную дорогу современной литературы.

Бросается в глаза, что материалы его стали «человечней», стали ближе к людям с их сложной и богатой духовной жизнью. Реже встречаются очерки, где бесчисленные россыпи пифр плохо складываются, а факты никак не поддаются обобщениям, потому что пишущие забывали о главном, ради чего они брались за перо. В лучших произведениях «Нашего современника» авторы «идут от человека», считают своим долгом рассматривать большие жизненные проблемы сквозь призму человеческого отношения.

Вспомогательный материал к статье «Кому много дано...» Василий ЛИТВИНОВ

альманаха. Если ныне к нему возвращается большой читательский интерес, то это во многом связано с появлением в «Нашем современнике» по-настоящему значительных художественных произведений.

Рассказ В. Тендрякова «Ухабы» стал уже широко известен. Нет нужды излагать его содержание. Читатель, не знакомый с этим произведением, отсылает ко второй книге альманаха. Пользуясь случаем, хочется кое-чем возразить отдельным критикам, писавшим об «Ухабах» с исключительным восхищением, но не совсем объективно. В частности, я имею в виду рецензию Ю. Капусто («Новый мир») и В. Соколова («Комсомолец правды»). Сосредоточив все свое внимание на облике бюрократа Князева, критики как-то отнесли на задний план других героев рассказа, а вместе с ними и то главное, жизнеутверждающее, ради чего, собственно, написано произведение. Ведь дело не в том, что появился еще один портрет бюрократа, пусть даже такого отвратительного, «выросшего до убийцы». На мой взгляд, «Ухабы» прежде всего ценны тем, что автор удалось столько, в драматической ситуации две морали: с одной стороны — мораль чинупиш, лишенного поддержки даже у своих товарищей по работе, с другой — коллективизма, который так стихийно и вместе с тем так закономерно сложился в борьбе за жизнь советского человека. Рассказ утверждает идею лиризованности Князева в мире этих простых людей, где естественно проявляются самые высокие духовные качества — человеколюбие, коллективизм, самоотреченность по имя общего дела. Претворяет все это лишь одним способом — лирическим портретом бюрократа — значит объединить рассказ, искусственно сузить его задачу.

Конечно, «Ухабы», как всякое талантливое, бесспорное произведение, не могут не породить споров, несложных мнений, особенно вокруг того, что оставлено нам автором «для додумывания», и обычного в этом случае чисто «читательского» чувства досады на писателя: почему так скупо? Хочется, например, побольше узнать о Князеве. Ведь нам о нем всего-то и известно: Князев — директор МТС. Что сделало этого человека выродком в советском обществе? Личные ли качества, условия работы в Угостоборовском районе или что еще? Скажем, В. Соколов склонен искать причину в стиле руководства районом. В рецензии он пишет: «И, видимо, Князев неплохо изучил психологию своего районного начальства... Отсюда и пришло

КАЖДОМУ, кто принимал участие в Великой Октябрьской революции, при чтении «Очерка истории русской советской литературы» бросается в глаза то, что в нем нет рассказа о народном творчестве первых лет революции. А ведь стихи тогда сочиняли все — рабочие, крестьяне и солдаты, и в них выливалась радость народа, сбросившего вековой гнет.

Не место халтуре!

Готовясь к предстоящему Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, наши композиторы и поэты создают новые песни. Некоторые из новых произведений уже прослушиваются и обсуждаются молодежью в клубах московских заводов и фабрик. Нельзя не заметить, что пока преобладают песни жанровые, танцевальные, шуточные. Мало маршей, мажорных песен, подобных тем, с какими на предыдущих международных фестивалях всегда успешно выступали делегации советской молодежи.

«Мы с песенкой бесечной пройдем бульварами», — говорится в песне, сочиненной Л. Давидович и В. Драгунским (музыка Н. Яковлевич). Надо думать, но не только с «бесечной» песенкой, но и с песней боевой, с песней защитника и участника войны, с песней патристичной и уличной Москвы, участника фестиваля. Кому же тут, как не молодым хозяевам нашей столицы, быть первыми запевальцами!

«Для нас он человек посторонний...»

Под таким заголовком в № 111 «Литературной газеты» за прошлый год была опубликована статья о работах заведующего Горьким государственным сортоиспытательным участком тов. Ильенко по выведению новых сортов безозерной ржи. Как сообщил редакция заместитель министра сельского хозяйства Азербайджанской ССР Г. Исмаилов, статья обсуждалась на заседании коллегии Министерства сельского хозяйства Азербайджанской ССР. Проверкой, произведенной министерством,

факты, указанные в статье, в основном подтвердились. Создана комиссия, которой поручено проанализировать весь накопленный тов. Ильенко селекционный материал, методику и состояние заложенных опытов и с учетом их разработать план опытно-исследовательской работы на 1957 год. План этот должен предусматривать дальнейшее изучение сортов пшеницы и ржи, закладку правильных полевых опытов и обеспечение необходимых наблюдений за ними.

«Календарь памятных дат или воспоминаний?»

Под таким заголовком в № 15 «Литературной газеты» была опубликована заметка об опоздании первого номера «Календаря» знаменательных и памятных дат. Директор Государственного издательства культуры-просветительской литературы тов. Б. Гаврилов, признавая справедливость претензий подписчиков, по поводу задержки «Календаря», сообщает редакции, что издательство принимает все меры по обеспечению своевременного выпуска «Календаря». Мартовский номер, по сообщению издательства, выйдет в феврале.

«Календарь памятных дат или воспоминаний?»

Ничего не проясняется и после того, как попутчик случайно встречает самого Илью Романчика — «одинокого человека, с каким-то, казалось, отчаянием шагающего по мрачной черной равнине под красным вечерним небом». Откровения его просто-таки мистичны: «Я бьюсь, как муха об стекло, это верно. Как будто бы и нет ничего на моем пути, а я бьюсь обо что-то головой... Ойну...» Тоскливо ставятся от этой истории. И, как закономерность, убожество содержания соответствуют и изобразительные средства.

Подобные произведения нет-нет, хоть одно на книжку, да появляются в альманахе. Начитавшись их, невольно думаешь: уж не задалась ли редакция целью одновременно с большой боевой и страстной летописью утвердить тип такой маленькой обывательской «летописи» всеческих фактиков? Отдельные, разбросанные в разных номерах рассказы, может быть, и не вызвали бы подобных мыслей, если бы эта холоднокровная «констатация фактов» не стала бы приживаться и в других разделах «Нашего современника».

ВРУБЕЛЬ

ВРУБЕЛЬ умер в 1910 году. Смерть, превращая его мучительное угасание, вывала в печати поток статей и воспоминаний о художнике и пробудила в обществе особенное внимание к его творчеству и его судьбе, трагической и легендарной. Все ждали посмертной выставки как траурного праздника, как общественного поминок по художнику, не дожидшемуся до широкого признания. Такой выставки организовать не удалось: воспрепятствовали толстосумы — владельцы произведений Врубеля, отказавшиеся дать картины на выставку. Только что пережив жестокую встряску в 1905—1907 годах, «сытые» (термин Александра Блока) в каждом общественном притязании на их собственности видели пугающий призрак «экспроприации» и отвечали злобым отказом: «Мое! Не тронь!»

Большая посмертная выставка Врубеля так и не состоялась.

Только теперь, спустя почти полвека, когда удалось собрать воедино и дать возможность зрителям окинуть взглядом все самое значительное из художественного наследия Врубеля, открылось для нас во всей полноте это щедрое, патетическое искусство.

По понятным причинам, наименее полно показана на этой выставке Врубеля — картина «Воскресение», написанная в Кирилловской церкви, находится в коллекции Врубеля, свидетельствующие о поразительной зрелости первых в этой области работ молодого мастера. Из работ этого цикла на выставке показаны только «Христос» из иконостаса Кирилловской церкви. Особенно жаль, что не была доставлена замечательная по глубине проникновения и образности «Богоматерь с младенцем». В традиционном сюжете, тысячи раз трактованном художниками всего мира, Врубель сумел найти свое собственное и такое живое, трепетное решение! Это одухотворенное, экзистенциально-прекрасное женское лицо является, несомненно, одним из самых замечательных воплощений Мадонны в живописи.

Киевский период составляет особую страницу в творчестве Врубеля — уже в эту пору развернулось его изумительный дар колориста, и на выставке мы восхищаемся «бисерной» техникой акварели «Восточная сказка», богатством красочных сочетаний «Девочки на фоне персидского ювра» и многими другими вещами, присланными Киевским музеем.

Искусству Врубеля присуще праздничное, романтически приподнятое восприятие мира. Он любит царство сказки, мифа, образы эпоса, поэзию Шеншира, Гёте, Пушкина. Лермонтовский «Демон» стал вечным и трагическим спутником художника. На выставке мы видим разные аспекты этого образа — Врубель возвращался к нему сотни раз, словно решая для себя мучительную загадку.

И это не отвлеченная фантастика, это тема уходящей эпохи, «исповедь сына века»: недаром А. Блок, задумав в своей поэме «Возмездие» рассказать историю трех поколений русской семьи — «Рубин-Макаров» в малом масштабе, героя своего называет «Демоном» по явной и несравнимой аналогии с «Демоном» Врубеля.

От темы «Демона» Врубель влечет к себе и национальную народную стихию — «музыка человека, не расчлененного отвлеченными... дифференцированным и бледным Западом». Еще в начале своего творческого пути Врубель обнаружил в качестве сюжета большого плана для Нижегородской выставки былинный образ Миккулы Селяниновича. Позднее это влияние художника получило новый импульс в музыкальных образах Римского-Корсакова. Так родится «Царевна-Лебедь», «Волхвы», «Садко», «Лель», воплощенные художником в живописи и скульптуре.

Тема «Пророка», возникшая вначале, как иллюстрация к стихотворению Пушкина, позднее становится излюбленным мотивом художника, к которому он возвращается много раз. В большом карандашном рисунке головы пророка в торбанах мы узнаем черты самого ху-

НА ВЫСТАВКЕ ЕГО ПРОИЗВЕДИНИЙ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

дожника, пылкий и тревожный взгляд его автопортретов. К тому же кругу тем надо отнести «Шестикрылого серафима» Русского музея, изумительного по своей красочной гамме.

В многочисленных портретах, показанных на выставке, особенно ярко проявился громадный реалистический дар Врубеля. Портреты 90-х годов — Арцыбушева, Саввы Мамонтова — поражают острой характеристикой, соединенной с монументальностью пластики. Его последняя работа — оставшаяся незаконченной портрет В. Я. Брюсова — исполнена такой властной мощью, что невозможно представить, что это творение спящего, обреченного художника.

Жизнь Врубеля была непрестанным горением в искусстве. В своем творчестве он никогда не был равнодушным. Он не понимал творчества без «натиска восторга», считая, что протокольные качества в картине — верный рисунок и верный тон — это еще мало, чтобы захватить сердца зрителей. Мало оцененный при жизни широкой публикой, он был безоговорочно признан строгой и авторитетной критикой собравшей по искусству — Серова, Корovina, Поленова. Товарищей по профессии поражала в нем феноменальная зрительная память, громадная одаренность, умноженная на неистощимую в этом крупном организме подвижническую работоспособность. Он импровизировал и вступал в увлеченные, как человек гордой воли, редкого бескорыстия, как художник, призванный судьбой для больших задач в искусстве. Серов, находившийся одно время под сильным влиянием творческих приемов Врубеля, говорил о нем: «Врубель шел вперед всех, и до него было не достать».

Художником-тружеником, строгим и требовательным к себе мастером — таким встает он перед нами в письмах и воспоминаниях современников.

Его стиль, глубоко личный, причудливый, требующий от зрителя усилий для постижения, пытаются иногда объяснить как проявление психической неуравновешенности. Это в корне ошибочно. Он, превративший в работе художника «дрожашую руку истерика», всегда был огромным, уверенным мастером, полностью владевшим всем арсеналом профессиональных знаний. До последнего дня, когда прогрессирующая слепота вырвала из его рук карандаш и кисть, он оставался мастером в своем высоком ремесле.

На юбилейном вечере Врубеля в Московском Союзе советских художников И. Э. Грабарь отметил в своих воспоминаниях, как основное впечатление, остающееся в памяти от знакомства с Врубелем, издается его внешним и внутренним обликом. Его обаяние отмечает и Валерий Брюсов, считавший встречу с Врубелем в числе удач своей жизни. Еще живы люди, лично знавшие художника и сохранявшие драгоценные памятки о встречах с ним, есть много писем его и о нем и воспоминаний, доселе не опубликованных.

С 1929 года, когда была выпущена книга писем Врубеля к сестре, не появилось никаких сколько-нибудь значительных публикаций о нем. Ближайшая вторая памятная дата: пятидесятилетие со дня смерти художника. Настоятельно необходимо собрать материалы о Врубеле в особый том «Художественного наследства», за это время накопилось много нового: достаточно сказать об «открытии» пятидесяти неизвестных дотопе рисунков, показанных на выставке в помещении МОССХА весной 1955 года. Да и настоящая выставка дает немало материала для раздумий.

И. КУЗЬМИН

Михаил Александрович Врубель (фотография)

СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ МОЛДАВИИ

Недавно в Кишиневе прошло собрание писателей Молдавии. С докладом «Молдавская советская литература после XX съезда КПСС» выступил Г. Менюк.

Докладчик говорил о том, что перед молдавскими писателями, как и перед всеми советскими литераторами, стоит задача — встретить 40-ю годовщину Великого Октября новыми хорошими книгами.

— Главное достижение прошедшего литературного года, — продолжает докладчик, — состоит в решительном освоении литературой современных тем. — В связи с этим Г. Менюк анализирует роман «Коларь» И. К. Чобану, роман в стихах «Город Реут» Е. Букова, говорит о многих других произведениях прозы, поэзии, драматургии.

Заботой об укреплении идейности, последовательности партийности литературы были проникнуты выступления участников собрания. И. К. Чобану советовал не изжигать до сих пор пассивность писателей. Е. Буков говорил о том, что нужно критиковать как серые, безликие произведения, которые иногда выдавались за какой-то этап социалистического реализма, так и произведения индигнистического характера.

О необходимости для литературы широко видеть жизнь и глубоко понимать ее говорил А. Лупан:

— Нужно думать не о дозировке света и тени, а о том, как мы связаны с народом и партией. Кровавая связь с жизнью — враг лакировки. Идейность не терпит никаких нарочитых дозирок.

Вопросы идейности литературы, ее связи с жизнью были затронуты также в речи замолчаливого отдела культуры, науки и искусства ЛКК Молдавии К. Ильяшенко.

По конкретным важным вопросам литературной жизни республики, в частности по вопросам развития литературной критики, работы с молодыми, театральными жителями и т. д., выступили И. Друзи, С. Паскью, К. Кюндра, Б. Истру, З. Сэнуару, Б. Трубешкой, Б. Мовилэ, Л. Чомыртан, М. Игнес и другие.

На собрании выступили также молдавские литераторы С. Антонов и А. Макаров, которые говорили о необходимости активно защищать идейные позиции советской литературы. Они рассказали молдавским писателям о сегодняшней литературной жизни Союза писателей СССР.

Единодушно была принята резолюция, признающая писателей республики борющимися за высокую идейность литературы, за ее действительное влияние на жизнь.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Подписчик ждет...

С начала этого года число наших «столбчатых» журналов возросло. И это отнюдь не повод для радости. Пусть будет их еще больше, пусть будут они хорошими и разными. Разными по облику, по тематике, по кругу авторов. Только не по срокам выхода в свет. Пуст срок появления журналов у подписчика будет одинаков — начало месяца. Право же, такое «однообразие» вполне устроит читателя.

Однако редакции некоторых журналов, по-видимому, не разделяют этой точки зрения. По крайней мере, если взглянуть сейчас на книжную полку, где должны стоять «свежие» номера журналов, то картина предстает довольно пестрая: одни вышли в срок, другие — с опозданием, третьи же вообще пока не вышли.

В срок появились и первый и второй номера «Звезды» и «Знамени». С некоторым опозданием вышла «Нева» (оба номера). Только вчера подписчики получили вторую книжку «Октябрь»; вторых номеров «Юности» и «Нового мира» пока нет.

До сих пор не вышел первый номер «Молодой гвардии». Правда, журнал «Эхо» («Взвучившийся»), но думается, что это не оправдывает опоздания: пусть он все же вовремя выйдет в начале первого месяца, чем в конце второго.

В отличие от «Молодой гвардии», «Москвы» — журнал ежемесячный. Точнее, должен быть ежемесячным, но пока — увы! — нет даже первого номера. Мы понимаем, что перед редакцией вновь созданного журнала стоит много трудностей, но ведь преодолела же их, скажем, редакция «Дона». И вот столичный читатель уже получил ладный «Дон», но никак не дожидается в Москве... «Москвы».

И уж совсем простителен тот факт, что до сего дня не вышло ни одной книжки «Театра». Издается он давно, имеет прочные традиции, опытную редакцию, но в этом году никак не может появиться на свет.

Не будем выяснять тех причин, в результате которых эти опоздания происходят. Пусть это сделают сами редакции журналов. Нам только хочется сказать: товарищи редакторы, не забывайте о сроках. Не думайте, что это не очень важно, когда вылетает номер в начале месяца или в конце. «Театр» начинается с «вешалки», журнал — со сроков выхода. Раз читатель подписался на ваш журнал, — значит, он хочет иметь его вовремя. Не надо его разочаровывать.

Мы верим, что в самом недалеком будущем положение радикально изменится: все журналы будут выходить в срок (а некоторые даже досрочно).

Но пока что читатель ждет. Ждет и не дожидается, когда же, наконец, принесут очередного номера того самого ежемесячного («взвучившего») журнала, на который он подписался в конце прошлого года.

ЧИТАЯ РЕЦЕНЗИЮ

Поводом к моим размышлениям послужила рецензия В. Назаренко «Практика типизации», опубликованная в журнале «Нева» (№ 1, 1957). В этой статье критикуется моя повесть «Дело было в Пенькове».

До рецензии В. Назаренко в некоторых газетах и журналах появлялись статьи об этой повести, иные — слякочные снисходительные, иные — справедливо суровые. Возникшие при их чтении мысли помогли мне разобраться в недостатках повести, наметить пути ее исправления. Но рецензия В. Назаренко возбудила мысли совсем иного свойства, и именно это обстоятельство побудило меня взяться за перо, несмотря на то, что я являюсь автором раскритикованной вещи.

С конечным выводом рецензента я согласен: повесть «Дело было в Пенькове» в том ее виде, как она опубликована в журнале, является неудачной, и очень жаль, что слабые стороны ее я увидел слишком поздно.

Однако речь пойдет не о повести, а о главном образе о теоретических положениях, которыми В. Назаренко обосновывает свои суждения.

Разбирая повесть, В. Назаренко оперирует тремя исходными положениями.

Первым положением является следующее: герой литературного произведения обязан быть человеком, совершающим высокие подвиги. «Язык недаром, — пишет В. Назаренко, — обозначает одним словом героя и человека, совершающего подвиги, и главное лицо литературного произведения».

Видимо, понимая, что тезис этот выглядит наивно, автор рецензии делает следующую оговорку: «Герои в литературе бывают самые разные, далеко не все совершают подвиги, но важные вопросы жизни всегда так или иначе решаются в их судьбе, раскрываются в их характеристиках».

Обезопасив таким образом себя от возражений, рецензент вооружается исходным тезисом о «совершающем подвиги герое» и с вполне понятной легкостью расправляется со всеми главными действующими лицами. «Фигуру Матвея Морозова... не можешь принять в качестве такого героя и, по праву, главного лица литературной «картины». «Матвея можно признать персонажем даже и умственным в повести, но — сугубо второстепенным». Лариса «на редкость нервная, ограниченная женщина, вполне, так сказать, «пара» Матвею». Тоня «стоит в центре повествования... совершенно не в центре».

Второе теоретическое положение, которое рецензент предлагает читателям, выглядит так: в литературном произведении необходимо соблюдать пропорцию между положительными и отрицательными.

Эта «теория» если и упоминается теперь в статьях и дискуссиях, то только в юмористическом плане. Поэтому В. Назаренко спешит сделать оговорку: «Памятные нам попытки установить «пропорции» для «положительного» и «отрицательного», конечно, смешны. Но именно потому, что это делалось «вообще», в качестве всеобщего, так сказать, «норматива» со стандартными для всего искусства обязательными соотношениями». И снова обезопасив себя оговоркой, автор рецензии возвращается к исходному положению. Он находит в повести преобладающие отрицательные факторы над положительными и на этом основании провозглашает вывод: «Этого в Пенькове не было!».

Третьим теоретическим тезисом, который понадобился рецензенту для разбора повести, является тезис о том, что исходной точкой произведения искусства является не жизнь, не образ, а некое «общее понятие о жизни», взятое в его, так сказать, чистом виде. Больше того: «Понятие иной раз бывает не только отвлеченной точкой, но даже и результатом творчества».

Хотя эта мысль полперта разнообразными притаями из Пушкина, Белинского, Чехова и Блока, автор рецензии чувствует, что и здесь не обойтись без оговорок.

На этот раз оговорка выглядит следующим образом: «Разумеется, было бы логично сказать, что творчество всегда вытекает из общего понятия в конкретном образе. Но не меньшая схоластика и обратное утверждение, что оно никогда не вытекает так».

После этой оговорки В. Назаренко спокойно возвращается к своему первоначальному тезису и заявляет, что повесть «Дело было в Пенькове» не основана на «общих понятиях о нашей жизни» и таким образом является произведением безыдейным.

Такова в общих чертах конструкция рецензии В. Назаренко.

Во время чтения этой рецензии у меня часто мелькала мысль: какие выводы из нее следует выводить, не искусственный в вопросах литературной теории читатель, который любит литературу, который стремится образовать свой вкус, разоблачиться в многообразии окружающего его

Сергей АНТОНОВ

книг, научиться глубже понимать и оценивать прочитанное?

Сколько недоуменных вопросов возникает у него при чтении рецензии В. Назаренко?

— Главный герой должен совершать обязательно героические поступки! А кто же такой тогда Клим Самгин Горького? Главный герой или не главный? И неужели бедному Акакию Акакиевичу необходимо совершить героический поступок, чтобы его стали считать полноценным героем бессмертной гоголевской «Шинели»?

— Соотношение между положительным и отрицательным должно быть соблюден! Но тогда, значит, совершенно не получились романы Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок...» Да и у Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Успенского далеко не все благополучно.

— Понятие — исходная точка, а иногда даже и результат творчества. Для большей убедительности этого умозаключения В. Назаренко приводит следующий пример — известные предсмертные стихи Есенина, где не возникает «конкретного образа» самоубийства, а поэтически формулируется именно общее понятие о смысле жизни и смерти. («В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей...»). Известно, что и ответные строки Маяковского выдвигают такое именно понятие. Пример, конечно, выразительный, но как же тогда относиться к словам самого Маяковского, написанным как раз по поводу предсмертных стихов Есенина: «никакими, никакими газетными анализами и статьями этот стих не аннулируется».

С этим стихом можно и надо бороться стихом и только стихом?

Примерно так станет рассуждать читатель, обладающий критическим чувством.

Но нельзя не подумать и о других читателях — о доверчивых, о тех, которые без особых рассуждений примут тезисы критика, начатые в солидном «толстом» журнале в качестве всеобщего гостя литературных произведений, примут эти тезисы без всяких оговорок, как аксиомы и истины в последней инстанции.

А такие люди имеются. В этом приходится иногда убеждаться на читательских конференциях в библиотеках и домах культуры. Случается, что какой-нибудь молодой или старый парень, рассуждая о романе или рассказе, написанном о таком же умном и молодом парне, как и он сам, начинает «наводить критику», оперируя отвлеченными умозаключениями, явно вычитанными из критической статьи и как следует не продуманными. Случается, что этот парень цитирует сомнительные псевдотеоретические выдумки из критической статьи с такой верой, будто читая принаследжит по крайней мере Чернышевскому. Ему и в голову не приходит сопоставить явление литературы с явлениями жизни, которые он так хорошо знает. Но не он виноват в этом.

По моему глубокому убеждению, питательной средой для таких доверчивых молодых людей являются статьи и рецензии, сконструированные по типу рецензии В. Назаренко.

Основной произведений писателя являются, по преимуществу, факты жизни. Основой критического произведения являются, по преимуществу, факты литературы, литературные произведения. Однако это вовсе не значит, что критик имеет право пренебрегать жизнью и замыкаться в самодельную клетку теоретических построений.

Конечно, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот почему, я не против теории вообще. Незыблемые положения марксистско-ленинской теории познания и эстетики приносят неограниченную пользу критику и помогают правильно оценить произведение искусства. Эти положения потому и незыблемы, потому и приносят пользу, что они имеют основанием жизнь, действительность.

Вот и решительно отвергают всякую схоластику.

Перед нашими философами и критиками стоит задача дальнейшего развития теории литературы и эстетики. Эту задачу можно решить успешно только на материале живого, современного искусства. В союзе живого, современного искусства и критики предпочтительно обращать свои взоры на прошлое и с охотой пишут монографии о Гоголе, Достоевском, Шедрине и т. д., что хотя и необходимо, но совершенно недостаточно.

Видимо, отставание нашей философии и эстетики явилось причиной того, что вместо действительно новых и свежих мыслей в критическом обиходе появились разные «кочевые» «теоретические», наукообразные «положения», которые хотя и оперируются, осмеиваются, сдвигаются в архив, но по своей легковесности снова удивительно легко выплывают на поверхность, замаскированные различными оговорками.

Вместо того, чтобы сопоставить явление литературы с действительностью и произвести марксистский анализ этого явления, любители теоретической фразы пытаются вогнать литературу в прокрустово ложе самодельного схоластического теоретизирования и очень сердятся, если литература не уместится на этом ложе.

Отрыв от жизни и привычка к голому теоретизированию ловели некоторых критиков до того, что самого простого факта они не могут принять без циркуля и линейки.

Вот, например, В. Назаренко заинтересовался вопросом: где находится Пеньково? Следует такое рассуждение:

«Тоня ехала от Ленинграда до Пенькова двое суток в мягком вагоне. Двое суток — примерно две тысячи четыреста километров. Возьмем циркуль, опшем дугу, чтобы узнать, где, примерно, может быть Пеньково. И увидим, что реального места на карте, которое согласовалось бы с описанным в повести, не найдется. Две тысячи четыреста километров от Ленинграда — это Крым, или Сибирь, или Крайний Север».

Конечно, если вообразить, как это делает В. Назаренко, что поезд мчится непрерывно, ни разу в течение двух суток не останавливаясь, со скоростью пятидесяти километров в час по некоей прямой линии, как самолет, то за двое суток можно доехать и до Парижа.

Однако это все то же самое абстрактное теоретизирование.

Куда было бы проще посмотреть в расписание реальных пассажирских поездов, отправляющихся из Ленинграда и движущихся по реальным железным дорогам. Тогда окажется, что Пеньково находится куда ближе — где-нибудь в районе Молотовской области.

Читатель может спросить: не слишком ли я много требую от В. Назаренко? Ведь его отзыв о повести — всего только рецензия. Задача рецензента сводилась к тому, чтобы оценить повесть и чтобы ковенный результат оказался правильным.

С таким рассуждением трудно согласиться. Если бы задача критика сводилась исключительно к оценке произведения, то достаточно было бы печатать списки книг и протестовать против названий отметки по пятибалльной или по какой-нибудь иной системе.

Конечно, задача критика — содействовать развитию искусства таким образом, чтобы искусство было активной силой строительства новой жизни. Правильная оценка книги — дело необходимое.

Но система доказательств при такой оценке должна, по-моему, не отрываться от реальных закономерностей развития искусства и от действительности, так как именно система доказательств, а не конечная оценка воспитывает эстетическое чувство читателя.

Если вспомнить, например, критические статьи Белинского или Добролюбова, — как много было в этих статьях бинения современной жизни! Как часто рецензируемая книга (неважно — хорошая или плохая) являлась поводом для большого разговора о животрепещущих проблемах, о патриотизме, о гражданском долге, о любви, о дружбе, об отношении к женщине. Как много вопросов злободневной политики поднималось в критических статьях и обзорах! Как громко звучал в них страстный голос публициста!

В процессе разбора книги, кинофильма, спектакля или картины с критикой, так же как и с писателем, не снимается, мне кажется, обязанность привлекать читателя к правильному взгляду на жизнь, утверждать нашу советскую идеологию, возбуждать энергию творчества и нетерпимость к недостаткам.

А эту большую задачу можно выполнить только в том случае, если в основе критической работы будет лежать ощущение живой действительности, а методом ее познания будет марксистско-ленинская теория, а не псевдонаучная схоластика.

Сергей СМЕРНОВ

КОРОТКИЕ БАСНИ

СВИНЬЯЧЕСТВО
Любя и хоя собственное «я», Из Пороженка выросла Свинья. Работать ей нигде не захотелось. Мораль: Свинью спасает мягкотелость.

КУКУШКА И ОРЕЛ
Наверно, дело было во хмелю. Она призналась: — Я тебя люблю! — И замерла. На шею у Орла.

ЛУКАВЫЙ ДОН-ЖУАН
Жил-был Петух. Он «был резок, но мил»; Окрестных кур пленял не без пижонства. ...А однолюба-Голубя клеимил З... многоженство.

ПИРАТ ПЕРА
Сегодняшнее время уточнило, Что он реальной правды не ценит, И перешел

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ БОБЕР
Лиса решила окрутить Бобра.

ОРИГИНАЛ
Пол Соловей на весь приличный зал. А Хряк в тиши подышал и сказал: — По-любому, все жанры хороши! — И в подтверждение Хрюкнул от души. Рисунки В. Фомищева

стм, задавать тон всему альманаху, если не сказать больше... Вернувшись из очередной творческой поездки литератор, возбудивший впечатлениями, встречами, новыми идеями. Роман или поэма еще где-то впереди, а сейчас, немедленно, хочется поделиться неостывшими мыслями, посоветоваться, доработать. Так вот же его трибуна — «По дорогам шестой пятилетки!»

Но таких непосредственных, вдохновенных произведений среди дорожных очерков «Нашего современника» очень немного. Более характерны для этого раздела другие материалы — информационные, какие-то обтекаемые. Сколько извезли А. Чистов, судя по его заметкам «Дальневосточные встречи», сколько, наверно, повидая удивительного, нового. А написал он для альманаха неглубоко, чисто обзорные заметки. О порте Находка узнаешь, что это «внутреннее зрелище», о крабоводстве — кое-какую технологию, об амурской стали — цифры да содержание беседы автора со стальщиками, выдержанной в тонах безыскусного радиорепортажа:

— Ну, а как насчет взаимной помощи? — И с этим благополучно... Охотно делимся друг с другом своими знаниями...

4. Проблемная очерка о советской действительности альманаха посвятив за весь год только два материала. Это критические заметки В. Дорофеева «К большому разговору» и подборка статей «О нашем очерке» покойного С. Диковского. Только два! Напоминание, что именно в прошлом году у «Нашего современника» увеличилась периодичность, стало больше возможностей...

Непонятно, почему «Наш современник» стал пренебрегать той ролью, которая предопределяет ему всем развитием нашей журналистики. Кому же, как не ему, взять в свои руки теорию очерка и всего, что к нему причастно? Свято помня прошлое и проводя будущее этого жанра, подметать в нем ростки нового, направляя их. С помощью широких обсуждений, проблемных статей способствовать дальнейшему взаимопроникновению очерка и «чисто» художественной прозы... Прошел год, а «Наш современник» ни разу не попытался обобщить опыт, накопленный многочисленной армией очеркистов, работающих в районах, областях, республиках, литераторов, объединенных в московской секции очерка и научно-художественной литературы.

«Наш современник» мало интересуется не только теорией очерка, но и вопросами современной литературы вообще. Как может какое-либо «литературно-художествен-

ное и общественно-политическое» издание спокойно оставаться сегодня в стороне от всех больших событий современной литературы! Тем более альманах, вышедший в А. М. Горьким — великим защитником основ социалистического реализма.

В НОВОЙ БОЛГАРИИ

Хорошо шагает новая Болгария. Советские люди не могут не радоваться успехам своих болгарских братьев. И тому, что объем промышленного производства страны увеличился по сравнению с довоенным более чем в шесть раз. И тому, что, когда одна из самых экономически отсталых стран в Европе, Болгария ныне плывет отечественную сталь, а скоро будет иметь свой чугуи. И тому, что в сельском хозяйстве окончательно и бесповоротно утвердился кооперативный строй. И успехам болгарских друзей в борьбе за повышение жизненного уровня народа, за создание новых духовных ценностей.

КУДА ИДЕТ ФРАНЦИЯ?

Правительство Ги Молле вступило во второй год своего существования. Поскольку средняя продолжительность жизни французских последователей правительства всего полгода, то этот факт сам по себе привлекает внимание. В Париже гошница была отмечена торжественным банкетом у президента республики. Члены кабинета преподнесли своему главе подарок — сочинения Стендаля. Подарок прекрасный. Но не потому ли он был сделан, что один из многих персонажей самого знаменитого романа Стендаля говорил: «Делайте всегда обратное тому, что от вас ожидают?»

Н. МОЛЧАНОВ

Прекращение поставок среднеазиатской нефти приблизило французскую экономику к катастрофе. На улицах французских городов все меньше автомобилей: нет бензина. В домах холод, цены на предметы потребления скачут вверх. Усиливаются жестокая инфляция, растет безработица. Заводы останавливаются из-за нехватки нефти. Правительство Ги Молле успешно организовало блокаду своей собственной страны!

В то время как французское правительство увязло в трясине колониальной политики, под боком у Франции усиленно возрождаются силы ее многовекового врага — германского милитаризма. 1957 год начался знаменательным событием. На пост командующего войсками Атлантического союза в Центральной Европе вместо французского генерала был назначен гитлеровский генерал Шнейдер. Французское правительство молча проглотило и такую горькую пилюлю, как официальное решение о предоставлении западногерманской армии атомного оружия.

Калигула будет вынуждена «перестроиться» и сможет успешно встретить натиск мощных конкурентов. Одна правая газета пишет, что Франция на «общем рынке» будет «пришпорена».

Итак, шпоры имеются. Нужен еще и всадник. Есть и всадник. Это — Западная Германия. Вот каков «последний шанс» Франции, который Кристиан Пино, министр иностранных дел и автор известной во Франции книги детских сказок, объявил «великим делом!»

Среди французских патриотов растет тревога за судьбу родины. Когда в середине января в парламенте обсуждались «европейские» планы правительства Ги Молле, ему с большим трудом удалось наскрести необходимое большинство. Как уже повелось в последнее время, правительство социалистов смогло опереться на поддержку крайних правых парламентских группировок.

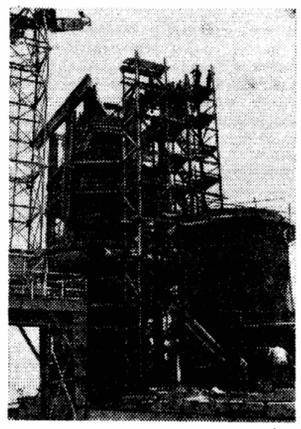
Представители различных политических партий все решительнее выступают за изменение внешнеполитической ориентации Франции, за отказ от гибельных проектов, за коллективную безопасность в Европе. Французская компартия ведет самостоятельную борьбу за укрепление независимости Франции. Против империалистских проектов «единой Европы» выступает оппозиция внутри самой социалистической партии. Многие сторонники генерала Де Голля осуждают планы «Евратора» и «общего рынка» и требуют независимой национальной политики. Часть партии радикалов также настаивает на изменении внешней политики страны. Этого требуют и различные новые политические группы, вроде «Новой левой».

Все чаще слышатся голоса поборников развития дружбы и сотрудничества с СССР. Например, редактор журнала деловых кругов «Перспективы» Гаскель отмечает наличие реальной почвы для развития франко-советских отношений, ибо такие страны, как Франция, «лучше понимают СССР хотя бы по старой исторической привычке, а также ввиду общей континентальной позиции и по глубокому знанию оных и тех же опасностей, в частности германской». Гаскель призывает французское правительство продемонстрировать свою добрую волю, изучив советские предложения по разоружению, вывинутые в ноябре прошлого года. Широкий отклик во Франции вызвал успех франко-советских торговых переговоров, закончившихся 11 февраля. Французские газеты единодушно отмечали весьма выгодный для Франции итог переговоров. Некоторые из них решительно потребовали осуществления соглашения, достигнутые в мае прошлого года в Москве.

Что касается советской общественности, то недавние попытки французских реакционеров подорвать франко-советскую дружбу встречают ее решительное осуждение. Советский народ верен благородным традициям дружбы с Францией.

...Рассказывают, что как-то один француз спросил русского: «Есть ли у вас, в России, могла Неизвестного солдата?» И тот ответил: «У нас тысячи могил неизвестных солдат, умерших за Францию». Мы знаем, что это помнят многие французы, особенно сейчас, когда международное положение Франции настоятельно требует решительных и конструктивных шагов по исправлению сделанных ошибок, серьезно подорвавших позиции Франции. Эти шаги необходимы, ибо для укрепления мира в Европе нужна сильная и независимая Франция.

Приведенные здесь снимки говорят сами за себя. На снимке внизу показано строительство доменного цеха на первом в истории болгарии металлургическом заводе имени В. И. Ленина. Первый верхний снимок отражает вынужденный момент в жизни крестьян села Врба, Радомирской околии. Мощный плуг захватывает межи, открывая простор для широкого кооперативного хозяйства. И, наконец, во втором верхнем снимке запечатлен кусочек культурной жизни — на сцене Народного театра гор. Стара-Загора идет пьеса А. Арбузова «Годы странствий».

В книжных магазинах Тираны и других городов Албании появилась в продаже книжка с портретом А. С. Пушкина на обложке. Это первый полный перевод на албанский язык романа в стихах «Евгений Онегин». Перевод осуществлен известным албанским поэтом — лириком Ласгушем Порадеци, посвятившим этому труду около 6 лет. Критик Дайлян Шапло отмечает, что переводчиком удалось хорошо передать онегинскую строфу, красоту стиха Пушкина, его глубокий лиризм и музыкальность.

В предисловии к албанскому переводу пишется: «Евгений Онегин» является прекраснейшим цветком, который никогда не завянет в саду мировой литературы».

ПРЕМИЯ ПРАТО

В помещении муниципалитета города Прато в Тоскане (Италия) состоялось вручение премии Прато, выдаваемой ежегодно за лучшее произведение, посвященное движению Сопротивления, борьбе патриотов Италии против фашизма.

Эта премия была учреждена семь лет тому назад местным отделением Ассоциации итальянских партизан на день, собранные среди антифашистов — участников освободительной борьбы.

Ныне премия Прато, субсидируемая средствами Ассоциации партизан, при поддержке демократического городского управления, где большинство имеют социалисты и коммунисты, составляет миллион лир.

В прошлом году на конкурс было представлено около 40 книг. Премия была присуждена покойной Марине Серени за книгу «Лия нашей жизни», посвященную жизни женщины-коммунистки. Дневная премия, по желанию родственников Марины Серени, была разделена между получившими вторую премию произведеними Карло Кассола «Старые товарищи» и Франческо Фраусто Нитти «Майор-Крест».

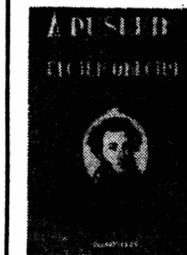
Премия Прато за 1956 год в размере 500 тысяч лир была вручена Але Маркесини Гобетти за книгу «Партизанский дневник», где описывается полная борьба в Пьемонте. Остальные 500 тысяч лир жюри решило разделить между Бруно Пьяцца и Армандо Боццони. Бруно Пьяцца триестинский адвокат, жертва нацистского террора, узник гитлеровского концлагеря, умер, едва успев закончить свою книгу «Почему другие забывают». Это суровый обвинительный акт против нацистских зверств. Армандо Боццони — пролетарий итальянских крестьян. Он получил премию за книгу «В жизни всех».

«ЗАПРЕТИТЬ!» Недавно западногерманский писатель Гюнтер Вайденборн совершил поездку в Китай. Это путешествие он назвал «крупнейшим событием в своей жизни».

Глубокое впечатление на Вайденборна произвел хозяйственный и культурный рост Китая. Этот побед, замечает писатель, стал возможен только потому, что китайский народ «исключительно сложен». Китайский народ «счастлив и весел, ему еще никогда не было так хорошо, как при нынешнем правительстве. Когда я снова оказался в Западной Германии, меня прежде всего поразили хмурые и злые лица, которые я увидел. Очень жаль, что люди живут здесь во власти ложных представлений».

Однако стоило Гюнтеру Вайденборну написать правду о Китае, как он подвергся нападкам на страницах официальной западногерманской печати. Послужная Аденгауэр газета «Рейншпер Меркур» потребовала запрещения вышедшей ранее книги писателя «Построено на песке», в которой разоблачается коррупция в Федеративной республике.

Литература и искусство за рубежом

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В АЛБАНИИ

В книжных магазинах Тираны и других городов Албании появилась в продаже книжка с портретом А. С. Пушкина на обложке. Это первый полный перевод на албанский язык романа в стихах «Евгений Онегин».

Перевод осуществлен известным албанским поэтом — лириком Ласгушем Порадеци, посвятившим этому труду около 6 лет. Критик Дайлян Шапло отмечает, что переводчиком удалось хорошо передать онегинскую строфу, красоту стиха Пушкина, его глубокий лиризм и музыкальность.

ПРЕМИЯ ПРАТО

В помещении муниципалитета города Прато в Тоскане (Италия) состоялось вручение премии Прато, выдаваемой ежегодно за лучшее произведение, посвященное движению Сопротивления, борьбе патриотов Италии против фашизма.

Эта премия была учреждена семь лет тому назад местным отделением Ассоциации итальянских партизан на день, собранные среди антифашистов — участников освободительной борьбы.

Ныне премия Прато, субсидируемая средствами Ассоциации партизан, при поддержке демократического городского управления, где большинство имеют социалисты и коммунисты, составляет миллион лир.

В прошлом году на конкурс было представлено около 40 книг. Премия была присуждена покойной Марине Серени за книгу «Лия нашей жизни», посвященную жизни женщины-коммунистки.

Дневная премия, по желанию родственников Марины Серени, была разделена между получившими вторую премию произведеними Карло Кассола «Старые товарищи» и Франческо Фраусто Нитти «Майор-Крест».

Премия Прато за 1956 год в размере 500 тысяч лир была вручена Але Маркесини Гобетти за книгу «Партизанский дневник», где описывается полная борьба в Пьемонте.

Остальные 500 тысяч лир жюри решило разделить между Бруно Пьяцца и Армандо Боццони. Бруно Пьяцца триестинский адвокат, жертва нацистского террора, узник гитлеровского концлагеря, умер, едва успев закончить свою книгу «Почему другие забывают».

Это суровый обвинительный акт против нацистских зверств. Армандо Боццони — пролетарий итальянских крестьян. Он получил премию за книгу «В жизни всех».

ГРУСТНЫЕ РАЗДУМЬЯ ГОСПОДИНА ЭЛЬГАРА

Франк Эльгар, постоянный обозреватель по вопросам искусства в парижском еженедельнике «Наррфур», побывал в конце января на двух выставках молодых французских художников. Затем он поделился своими мыслями с читателями в небольшой статье. «Отставка юности». Читая эту статью, мы искренне сожалели о том, что автор не остановился подробнее на затронутых им вопросах, которые не могут не волновать каждого, кто любит французское искусство.

Обе выставки произвели на Франка Эльгара удручающее впечатление. Он не нашел в картинах ни свежести, ни красоты, ни прежде всего молодости. Оценивая работы молодых художников, в частности представителей таких новых направлений, как «кибернетизм», «бесформисты», «пятнисты» и др., автор исчерпал, пожалуй, весь запас уничижительных сравнений, метафор и эпитетов, которыми только может располагать критика. Не будем их цитировать.

Статья «Отставка юности» заинтересовала нас в той своей части, где автор подходит к серьезным проблемам, к сожалению, затронутым им весьма слабо. Франк Эльгар пишет: «...И это во имя свободы молодые художники совершают такого рода преступления против молодости, красоты форм и здоровья духа, как будто свобода позволяет все, как будто она может обойтись без веры и надежды... Мы знаем, что наше время жестоко, эгоистично, разрушаемо противоречиями, что оно снижает и лезет на проходимца, циника и лицемера. Но какую надежду или хотя бы иллюзию можно сохранить, если за порогом сумерек молодые художники не провозглашают торжествующую убежденность в своей силе и не бросают радостный клич своей веры в будущее».

Фотоснимок и портрет из французского еженедельника «Наррфур».

«Эти портреты молодой девушки» художница Алишия Халл иллюстрирует тенденции молодой (?) современной живописи: грустной, мрачной, тусклой, разочарованной и сверх того лишенной молодости».

Ют торжествующую убежденность в своей силе и не бросают радостный клич своей веры в будущее».

Слова с радостью, с чувством упоения?

Н. Р.

ЗЛОБОВЕДНЫЙ ФИЛЬМ

В США недавно демонстрировалась новая кинокартина «В центре бури». Действие фильма происходит в маленьком американском городке. Библиотекарь Алишия Халл отказывается взять одну книгу из городской библиотеки, которая является членом муниципалитетского совета. Халл снимается с работы. Начинается грязное расследование ее прошлого. Многие жители городка, опасаясь за свою репутацию, отворачиваются от нее. Родители запрещают своим детям встречаться с ней. Так разгорается трагедия в душе маленького Фредди — любимица Алишии. Весь город живет под страхом возможных преследований. Буря, разгравшаяся в этом тихом на вид американском городке, завершается пожаром, в огне которого гибнет библиотекарь.

Постановщик Дэннило Тарадаш и его соавтору Элику Молл пришлось ждать пять лет, чтобы получить возможность снять этот фильм. Не успел он выйти на экран, как некоторые последователи Маккарти попытались помешать его демонстрации. Пресса монополий постаралась принизить значение фильма. Так, журнал «Тайм» объявил его «картиной о неправдоподобной истории». Прогрессивная и профсоюзная печать, напротив, очень тепло встретила выход на экран «В центре бури». Рецензент газеты «Дейли уоркер» писал: «В наши дни это уже что-то да значит, если такая картина может попасть на Бродвей и, быть может, в маленькие города Америки, где люди сами могут судить, насколько правдиво она рассказывает об их собственном плачевном опыте».

БРАТСТВО ДВУХ ЛИТЕРАТУР

Один из последних номеров журнала «Словесные взгляды» («Словесные обозрения»), органа Союза словесных писателей Украины, открывается статьей «Мы оплачиваем долг», в которой говорится: «Этот номер журнала «Словесные взгляды» целиком посвящен украинской литературе. Им мы оплачиваем наш долг по отношению к литературе, которая очень близка нам не только географически, но и по отношению к литературе, которая делала Украину и мир Шота Руставели и Франко и которая в современных условиях развивается необычайно быстро».

В номере опубликована статья М. Молчанова «Сотрудничество двух братских литератур», рассказывающая о творческих связях и издании книг украинских и словесных писателей, стихотворения М. Рильского, П. Тычины, М. Бажана, В. Сосюры, П. Воронько, А. Малишко.

КОРОТКО

Бухарестским издательством «Нарта Русь» выпущена на румынском языке поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

В Нью-Йорке вышла в свет «Иллюстрированная история негров в Америке». Один из соавторов сборника — известный негритянский писатель Ленгстон Хьюз.

Венский театр «Новый» представил недавно премьеру комедии И. Тургнева «Месяц в деревне».

Издательство «Болгарский писатель» выпустило обширную антологию «Чешские поэты».

В Днепропетровске в кинотеатре «Получай» состоялся вечер, посвященный жизни и творчеству М. И. Глинки.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

С начала этого года в Болгарии выходит новый еженедельный журнал Союза болгарских писателей по вопросам литературы, искусства и публицистики «Пламя» («Плам»). Главный редактор журнала — известный писатель Андрей Гуляшки. Первый номер «Пламя» публикует обращение к читателю, в котором говорится: «Мы враги всего, что канонизирует литературный метод и превращает его в догму. Мы выступаем также против тенденциозного приукрашивания или очернения жизни, намеренно схематического отношения к общественным явлениям, односторонности в показе человеческого характера. Мы думаем, что литература должна отражать жизнь во всей ее яркости и противоречивости многогранности». В «Пламя» будут желанными гостями советские поэты и прозаики, наши собратья по перу в братских народнодемократических странах, писатели-реалисты Азии и капиталистических стран.

Содержание первого номера журнала разнообразно и интересно.

РОМАН О КАМЕНЕ

Джон Херс извещает в Союзинформштабх объединенной на правленностью своего творчества. Недавно в Нью-Йоркском издательстве «Кнопф» вышел его небольшой (всего 180 страниц) роман «Одинокий камень», который большинство американских критиков считает одним из лучших произведений писателя.

Повествование ведется от лица молодого американского инженера, приехавшего в 20-х годах в Китай для завершения проекта плотин на реке Янцзы. Сюжетная канва романа проста. Инженер отправляется вверх по реке на джонке, которую тянет группа бурлаков. Столкновение во время этого путешествия с различными характерами — инжера и простых китайских бурлаков — составляет основную тему произведения.

Несмотря на все трудности, экспедиция достигает цели путешествия. Инженер расстается с бурлаками с каким-то новым чувством. «Теперь я знаю, — говорит он, — что это чувство похоже на желание, чтобы все было иначе, чтобы я стал лучше, чтобы весь мир стал лучше...»

Как отозвался американская критика о новом произведении Херса? Эдвард Уакс пишет в журнале «Атлантик»: «Символический роман дает представление о том, что довольно редко встречается в книгах нашего времени: чувство смиренности перед величием Востока». Критик газеты «Дейли уоркер» считает, что «в романе «Одинокий камень» Херс сделал больше, чем создал просто ряд образов, которые остаются жить в памяти читателя; он заставил лучше понять Человека».

Л. Первомайского и других украинских поэтов. Проза представлена произведениями Ю. Яновского, В. Минко, О. Вишневского, Н. Рыбака. Журнал содержит также несколько интересных статей, посвященных творческим связям украинской литературы с советской литературой, рассказывающая о творческих связях и издании книг украинских и словесных писателей, стихотворения М. Рильского, П. Тычины, М. Бажана, В. Сосюры, П. Воронько, А. Малишко.

ВЫСТАВКА КАРИКАТУРЫ

В Пекине состоялась всекитайская выставка карикатур, на которой было представлено более трехсот работ, опубликованных в журналах и газетах за последние два года. Выставка, как отмечает китайская пресса, свидетельствует о возросшем мастерстве китайских карикатуристов.

Критик Ю Юнь в статье, помещенной в газете «Гуаньжизяо», отмечает ряд произведений, которые, по его мнению, наиболее удачны. Мы воспроизводим один из рисунков художника Чэн Тун-хэна, высмеивающий литераторов, злоупотребляющих цитатами в своих статьях. — «Критические забавы».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛНИ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Плачевные итоги

Результаты такой политики неизбежно оказались губительными для Франции. Несомненно точно подтвердилось правительством известных слов Виктора Гюго: «В политике нет ничего более опасного, чем правительстве, не доверяющее собственным принципам».

Война в Алжире свергла страну в острейший национальный кризис. Вела жестокую колониальную войну, выгодную лишь колонизаторам, Франция истекла кровью.

Агрессия против Египта нанесла еще больший удар по национальным интересам Франции. Ее позиции в Северной Африке и на Среднем Востоке серьезно попорчены.